

Л.Н. БУДАГОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**НЕЗАБЫВАЕМОЕ.
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ
ГЕОРГИЯ ДМИТРИЕВИЧА ГАЧЕВА**

Abstract:

Budagova L.N. *Unforgettable. A few strokes to the life and work of Georgi Dmitrievich Gachev*

The seventieth anniversary of the Institute of Slavic Studies, celebrated on the January, 31, 2017, like any such events, is a cause to look back and to speak about people impossible to forget. This article is devoted to the extraordinary scholar, philosopher and writer Georgi Dmitrievich Gachev (1929–2008) who worked at the Institute since the mid-1980s and who did a lot for the development and the «emanicipation» of Slavic Philology and other humanitarian studies.

Ключевые слова: Георгий Гачев, Дмитрий Гачев, болгарская литература, ускоренное развитие, стяженность литературного процесса, национальные образы мира, Георгий Димитров.

Сейчас уже трудно сказать, как я познакомилась с Г.Д. Гачевым, но хорошо помню, как в 1960-е годы, когда он уже стал известным ученым и мы уже знали друг друга, я повстречала его то ли на Ленинском проспекте, где мы жили в соседних домах, то ли на улице Воровского (сейчас это Поварская), недалеко от Института мировой литературы, где работал Гачев, и моего родного Института славяноведения. При встрече разговорились, и на вопрос, как ему живется, он сказал, что собирается в кругосветное плавание матросом. Сообразив, что собеседник не шутит, я удивилась, восхитилась и поинтересовалась, не нужна ли на его корабль буфетчица? Как человек галантный, он сказал, что такая буфетчица им нужна. В плавание я не пошла, но встречу с Геной (так я его называла) запомнила. Она поразила меня неожиданностью поступка, а потом, со временем, поняла, что жизнь его полна неожиданностей, которые готовила ему не только судьба, но и он сам.

Я не в курсе их всех, но знаю, что, возвратившись после кругосветного плавания к научной деятельности, Гачев менял места службы, кого-то усыновлял, опекал, женился, разводился, опять женился, растил двух замечательных дочерей. Даже когда в его жизни появилась стабильность — прекрасная семья и работа в нашем Институте, в Секторе славянских литератур, куда он пришел в 1985 г., радуя коллег не только умными мыслями, но и (во время своего «дежурства по чаю») увесистыми рюкзаками с провизией из Дома литераторов, неожиданности не

прекращались. Но теперь они как бы сконцентрировались в проблематике и стилистике его творчества. Источник этих удивительных неожиданностей — та внутренняя свобода, которая была присуща Гачеву, и та отвага, бесстрашие и подвижничество, с которыми он ею пользовался, ее реализовывал. Заинтересовался Гачев «национальными образами мира», и — пожалуйста, вышла целая серия его «интеллектуальных путешествий» в разные страны и на разные континенты — от Америки, до республик Средней Азии (Казахстан, Киргизия) и Кавказа (Грузия, Армения). Он двигался не только вширь, но и вглубь, зондируя «Космо-Психо-Логос» и населения Польши, Литвы, Эстонии (2003), и «кочевника, земледельца, горца Евразии» (1999). Стало ему тесно в сфере гуманитарных наук — он смело выходит за их пределы и создает «Гуманитарный комментарий к физике и химии», начиная «диалог между науками о природе и человеке» (2003), рассматривает «Математику глазами гуманитария», создавая «дневник удивлений математика» (2006). Захотелось ему исследовать не «национальные образы мира», а национальную специфику взаимоотношений полов, одного из «основных инстинктов», управляющих людьми, Гачев вместе с сотрудниками нашего Института организует конференцию «Национальный Эрос и культура» с преимущественным вниманием к культуре славян, а в 2002 г. выпускает совместно с Людмилой Николаевной Титовой (1934–2004) одноименную книгу, где научные статьи были по просьбе издательства «Ладомир» разбавлены пикантными произведениями на эротические темы.

Поднимая глобальные, но отнюдь не избитые проблемы, мобилизуя обширнейшие знания и свою интуицию, таланты ученого и писателя, создавая подчас своеобразные жанрово-стилистические коктейли текстов, в которых было много всего, но не было наукообразия и скуки, Георгий Дмитриевич способствовал «раскрепощению» научного творчества, стимулируя не только профессиональный, но и широкий читательский интерес к его плодам.

Весьма показательна в этом плане его книга «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» (М., 1997). Сам автор назвал свое «открытие Америки» «интеллектуальным детективом или романом-хепенингом» (от английского «happy ending»). Текст данного «поединка жанров» (выражение Гачева) — это сплав воспоминаний, страничек из дневника, зарисовок, очерков, философских размышлений, пронизанных исповедальной интонацией, любовью к России и к жизни, к ее большим и малым радостям, которые дарят — солнечный день, сбор ягод в лесу, общение с маленькой дочуркой, Ларисой. И все это подчинено спорам с самим собой, не уехать ли за границу, в Америку, как это сделал его друг, или остаться на родине. И вот вывод: «И когда после при-

кидки себя там выбрал: оставаться! — особо милой предстала и Россия, и «советчина», даже «застой», и пьянь, и лень — все-то любезно сердцу и уму: хвалю свое болото, кулик!.. В такой вот экзистенциальной ситуации пограничной и в такой эмоциональной гамме написана моя фреска об Америке, детектив-дознание до сути ее»¹.

Главный аргумент в пользу России читатель найдет в сцене общения автора со своей дочуркой. «Ну что может быть дней моих сладчайше этих! Когда я вот уже три дня один с женушкой-хозяюшкой мне махонькой! Любименький! Славненький! Все-то вокруг папки увивается, в огороде — так в огороде, огурчики полоть — пожалуйста: сразу схватывает, бормочет, песенки свои поет-слагает! И вся в радости под папкой, как под Богом, ходит. Все щиплет, кушает: клубничку, морковку, смородинку [...] И я ей счастье обеспечиваю — и сам тем вполне счастлив. Какие мне там еще путешествия в Америки надо? Я лучше здесь буду при зайюшке, а воображением можно и в отлет — не запрещается и не мешается счастьем домашку иметь абсолютное ограничение в чем-то, чтоб успокоиться на счет недоступного себе — и устремиться в ту сторону, где ты можешь и в смысле тау (позволено), и сап (в силах, талант-охоту имеешь). А то ведь в разнос пойдешь и в дрызг, и в дребезги»³. Прямо не литературоведение, а какая-то школа жизни! Не ученый перед нами с талантом мыслителя, философа, лирика, а настоящий Мудрец!

Оригинальность Гачева получила признание, не осталась незамеченной.

«Блестящие мысли» и свой способ образного мышления отмечал у него Д. С. Лихачев. Чингиз Айтматов писал: «Меня всякий раз удивляет стихия его воображения, способность видеть уникальное в привычном» (обе цитаты — с обложки книги «Национальные образы мира»). Деавтоматизация восприятия, способность свежо и по-новому взглянуть на вещи — особенность искусства, наиболее ярко проявляющаяся в поэзии. Гачев раскрывал уникальное не только в явлениях мировой культуры, в национальном менталитете, но и в повседневности. Поэтому в аттестации Гачева как ученого не хватает таких определений, как художник и поэт, как человек, тесно связавший науку с искусством, с поэзией и лиризмом, раскрывающих не только предмет исследований, но и душу автора. И еще, что выдает в нем поэта, — это способность чувствовать слово и играть словами. «О! Пора уже землянику собирать! — это я, совершая обход по местам-угодьям своим (заодно с промышлением: собирая созревающие мысленьки — ах! слово какое славное, ласковое сказалось: “мысленьки” — как гусельки. А “мысленки” — как масленки-опенки; “мыслята” — опята, ребята), — заглянул проверить, как дела на вырубке?»⁴.

Путь к известности Гачев проложил уже первой своей монографией, посвященной такому распространенному явлению, как «ускоренное развитие литературы», однако до Гачева как бы не распознанному, не получившему ни объяснения, ни определения своего места и последствий в истории мировой культуры⁵. Д.С. Лихачев в группе работ «стимулирующих» («Это работы..., с которыми я готов спорить, но которые будят мысль, тревожат и волнуют исследователя») назвал «две книги М. Бахтина — о Достоевском и о Рабле», «книгу Конрада "Запад и Восток"» и работу Г. Гачева об ускоренном развитии литературы⁶.

В коротком «Слове от автора» к «Неминуемому» Гачев предлагает воспринимать свой труд об «ускоренном развитии литературы» «и как роман: жизнеописание народа, возрастание культуры из детства в мужество — и даже как детектив: дознание до истины и сути литературного процесса, до его тайных причин, соучастников и опасных связей»⁷.

Этот роман (и одновременно детектив) поражает уже своим кругозором, когда типы развития народов, их культур и литератур прослежены в эволюции, вписаны в контекст истории человечества и его современного состояния.

По мысли автора, нормальное развитие — с последовательным прохождением всех эволюционных ступеней — и развитие ускоренное, когда народы и их культуры, по каким-либо причинам отстававшие от других, ускоряют — в стремлении наверстать упущенное — темп поступательного движения, существовали всегда, но не изолированно, а в связях друг с другом. При этом, как доказывает Гачев, ускоренное развитие плодотворно «в обе стороны: и для воспринимающих народов, поскольку они впитывают в себя высочайшие достижения мировой цивилизации, и для этой последней»⁸, иными словами, и для народов, чьи культуры выступают в роли доноров. Сложившиеся представления о плодотворности (и неизбежности) взаимодействия разных национальных литератур Гачев обогащает и уточняет наблюдениями о плодотворности взаимодействия культур (литератур), находящихся на разных стадиях развития, как бы включая тем самым в систему литературных взаимосвязей новые звенья. Особенно перспективно в концепции Гачева, на наш взгляд, признание ценностей опыта не только более, но и менее развитых народов. «...И то, что мы ценим народы независимо [...] от уровня их развития, — не есть просто знак формального к ним уважения. Это уважение есть научно-закономерный вывод из признания равной ценности для будущих судеб человечества усилий разных народов»⁹.

К сожалению, «равноценность усилий разных народов» и их культур для настоящего и будущего человечества недостаточно учитывается в отечественной и зарубежной науке о литературах, где в центре внимания —

романские и германские литературы, из славянских — русская. Более же молодые литературы других славянских этносов, чье развитие было осложнено веками иноземного владычества, практически оттесняются на периферию научных интересов. Противостоят этим тенденциям в культурологии и литературоведении невозможно, да и не нужно, поскольку они базируются на объективной значимости своей материальной базы. Однако ею нельзя и ограничиваться, обедняя представления о сокровищах мировой культуры из-за недостаточной изученности творческих достижений других народов. Концепция Гачева, активно противодействуя любым проявлениям научного снобизма, способствует повышению престижа даже отстававших в своем развитии литератур.

Это тем более актуально, что в изучении взаимосвязей литератур, находившихся на разных эволюционных ступенях (например, русской с зарубежными славянскими), до сих пор проглядывает определенная односторонность. Мы располагаем огромным количеством примеров о русском влиянии на литературы инославянские, испытывая дефицит фактов обратных. Отчасти это отражает объективную реальность, отчасти является научным пробелом. Сотрудники-литературоведы Института славяноведения стремятся его если не ликвидировать (это дело будущего), то хотя бы уменьшить. Так, после издания сборника «Россия в глазах славянского мира» (2007), где, наряду с представлениями хорватов и поляков о русских землях и русской культуре, анализировалось русское влияние на болгарское национальное возрождение и сербскую литературу рубежа XIX–XX вв., началась работа над проектом «Славянский мир в глазах России». Она завершилась выпуском одноименного коллективного труда (2011). В нем, помимо трех разделов «Мифы и реалии польско-русских отношений», «Восприятие болгар и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» и «Образ жизни славян в свидетельствах очевидцев» — есть раздел четвертый, самый объемный — «Освоение Россией художественных ценностей славян». В его статьях, помимо всего, речь идет об обратных влияниях славянских литератур на русскую (например, К. Чапека на Алексея Толстого — драмы «Р.У.Р.» чешского писателя на толстовский «Бунт машин»; Ярослава Врхлицкого на Константина Бальмонта; чешской культуры на Марину Цветаеву и т.д.).

Влияние инославянских литератур на русскую прослеживается не только в XX веке, когда отстававшие в развитии народы уже преодолели свое отставание, став равноправными партнерами в системе межкультурных связей. Встречный интерес России к культуре других славянских народов, (а стало быть предпосылки их влияний) имел место еще в период национального возрождения славян (с конца XVIII до конца XIX в.), т.е., на самой активной фазе их ускоренного развития. Уже тогда появились

переводы на русский язык произведений зарубежных славянских писателей, русские антологии славянской поэзии, труды по истории славянских литератур (Н. Гербель. Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871; А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. История славянских литератур, том II. СПб., 1881 и др.). Давняя заинтересованность России в популяризации культурных достижений своих этнических братьев, вызванная в первую очередь славянофильскими настроениями, в то же время подтверждает тезис Г.Д. Гачева, что ускоренно развивавшиеся народы не только многое берут от мировой цивилизации, но и обогащают ее своим опытом и духовными ценностями.

Поступив, как уже упоминалось, в 1985 г. на работу в Институт славяноведения, Г.Д. Гачев сначала вполне комфортно чувствовал себя в Отделе (в то время секторе) славянских литератур. Однако когда там было решено создавать трехтомную «Историю литератур западных и южных славян», Георгий Дмитриевич, уже увлеченный «национальными образами мира» и другими высокими материями, тихо ретировался в сектор культуры, под крылышко Людмилы Александровны Софроновой (1941–2013), прекрасного человека и ученого, пока об «историях» не помышлявшей. Тем не менее, даже не войдя в авторский коллектив трехтомника, Георгий Дмитриевич все же стал его незримым участником благодаря своей концепции «ускоренного развития литературы», которая была даже не столько концепцией, сколько открытием. Открытием не мелочей, а особенностей литературного процесса у народов, чье нормальное развитие было осложнено и замедлено в силу каких-либо обстоятельств. Южные и западные славяне с эпохи Средневековья страдали, как известно, от гнета Османской и Австрийской империй со всеми вытекающими из этого печальными последствиями для литератур подневольных народов. Ослабление иноземного гнета под воздействием просветительских идей ведет к пробуждению и ускоренному развитию этих литератур. Из славянских его переживают не только сербская и болгарская словесность, о которых упоминает Георгий Дмитриевич, особенно подробно анализировавший ускоренность развития болгарской литературы, дающей для этого благоприятный материал. Этот процесс охватывает все литературы южных и западных славян, за исключением польской. Польша попала в кабалу Пруссии, Австрии и России после третьего своего раздела в XVIII в., что, впрочем, не отразилось на состоянии ее культуры и литературы, базировавшихся на прочных национальных традициях, сложившихся до разделов польских земель.

Ускоренность литературного развития вела к его стяженности, к совмещению разностадийных явлений, например, течений классицизма и

сентиментализма, или двух типов романтической поэзии — фольклорного и байронического типов. Один базировался на народном творчестве, другой — на опыте западноевропейских романтиков, прежде всего Байрона. Сторонники этого варианта акцентировали не национальные, а экзистенциальные проблемы, сосредотачивались на переживаниях личности, вступающей в конфликт с обществом и осужденной на гибель. Освоение западноевропейской куртуазной лирики, которую в Чехии, к примеру, сочиняли далекие от светской жизни сельские учителя или священники, сочеталось с собирательством и изданием устного народного творчества, с подражанием русским былинам и чешским народным песням¹⁰.

Ускоренность проявлялась и в специфике многоликого славянского модернизма рубежа XIX–XX вв. (вошедшего в историю национальных литератур как «модерн», или «модерна»). В его русле не только возникали новые течения (символизм, декаданс, импрессионизм, натурализм), как это происходило в Западной Европе, но и «дозревали» до более высокой стадии возникшие ранее направления: происходила лиризация и субъективизация романтизма, склонного у славян к героической эпике, реализм избавлялся от идеализации национального коллектива, становился реализмом критическим, обращался к психологическому анализу, к исследованию внутреннего мира человека, к элементам поэтики натурализма и экспрессионизма¹¹.

Как оказалось, авторы вышеупомянутого трехтомника подтвердили на материале славянских литератур открытие Г.Д. Гачева, увидевшего существенный признак «ускоренности» в «стяжении» литературного процесса, в присутствии на одном и том же этапе разностадийных тенденций.

* * *

Уроженец и патриот России, считавший период правления Л.И. Брежнева лучшим в истории СССР, Георгий Дмитриевич Гачев относится к тем людям и образам, которые на всю жизнь определили мое позитивное отношение к болгарам и Болгарии¹², невзирая на то, что эта страна в двух мировых войнах выступала на стороне противника.

Первым среди них был герой моего любимого тургеневского романа «Накануне» Дмитрий Никанорович Инсаров, прообразом которого послужил, как известно, болгарский поэт и просветитель Николай Дмитриев Катранов. Он родился в 1829 г., в 1848 приехал на учебу в Москву, влюбился в русскую девушку. Закончив Московский университет, в мае 1853 г. отправился с женой в Болгарию, а по дороге туда, в Венеции, умер от туберкулеза, Тургеневский Инсаров, как известно, скончался в той же Венеции в апреле 1854 г. Если бы этого не случилось и он бы вернулся на родину, то вряд ли дожил бы до старости, скорее всего разделил бы

судьбу знаменитых болгарских революционеров — Василя Левского и Христо Ботева, погибнув где-нибудь в сражении с турками. Школьницей я увлеклась Инсаровым, наверное, не меньше, чем Елена Стахова, и даже пыталась разыскать в Москве, в районе арбатских переулков, дом, куда автор поселил своего героя. Именно образ Инсарова определил с юных лет мое отношение к Болгарии — теплое и заинтересованное.

Вторым стал Георгий Димитров (1882–1949), не боюсь в этом признаться, хотя он свергнут с пьедестала в своей стране, но, слава Богу, еще стоит на пьедестале памятника в Замоскворечье, недалеко от Каменного моста и Дома на набережной, где он жил во время Великой Отечественной войны. Димитров был для меня не героем Лейпцигского процесса и не руководителем Коминтерна (обо всем этом в детстве я мало что знала), а отцом моей одноклассницы Фани Димитровой, дочери погибших китайских революционеров, которую он совсем крохой удочерил и о которой нежно заботился вместе со своей женой Розой, хотя в их семье уже рос усыновленный ребенок. Необыкновенно скромный и талантливый человек, Фаня была совестью и гордостью нашего класса, писала блестящие сочинения и остроумные стихи, из нее мог бы получиться прекрасный гуманист. Но, окончив школу с медалью, она поступила в Московский энергетический институт, стала инженером. Всю свою, к сожалению, недолгую жизнь Фаня прожила в Москве, храня верность светлой памяти своих приемных родителей.

В том же ряду близких моему сердцу болгар — Дмитрий и Георгий Гачевы.

О судьбе болгарского политэмигранта Дмитрия Гачева (1902–1945) я узнала из интернета и публикаций его сына. Эмигрировав после разгрома Сентябрьского восстания 1923 г. на Запад, чернорабочий на заводах Бельгии и Франции, всесторонне одаренный сын учителя, успевший получить на родине хорошее образование, он заручается поддержкой Г. Димитрова для поездки в 1926 г. в СССР на учебу в Московской консерватории. Закончив ее в 1930 г. — на следующий год после рождения сына, Д. Гачев поступает в аспирантуру Института красной профессуры, защищает диссертацию «Эстетические взгляды Дидро». С 1935 г. он заведует редакцией западноевропейских классиков в Гослитиздате. 25 февраля 1938 г. его принимают в Союз советских писателей, а на следующий день арестовывают «по подозрению в измене». После допросов с пристрастием Д. Гачева отправляют на Дальний Восток, на каторгу. Попытки Г. Димитрова и В. Коларова добиться его освобождения, не увенчались успехом. Родные так и не дождались его возвращения.

Поражает мужество этого человека. Даже на каторге он не падал духом, оставался главой и опорой семьи, внушал в своих письмах надежду,

утешал жену, давал советы подрастающему сыну, посылая ему списки литературы, что читать, как жить, как воспитать в себе личность.

Близко к сердцу принимая трагический поворот судьбы Георгия Дмитриевича в детские годы, я всегда восхищалась и восхищаюсь его родителями, сумевшими — вопреки всему — воспитать человека, который стал гордостью русской культуры, вписав свое имя в ее историю и современность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гачев Г.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянство. М., 1997. С. 4.

² Там же. С. 31.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964; *он же.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М., 1989.

⁶ См. обложку книги Г.Д. Гачева. Неминуемое.

⁷ *Гачев Г.Д.* Неминуемое. С. 3.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. С. 6.

¹⁰ История литератур западных и южных славян. Том второй. Формирование и развитие литератур Нового времени / Отв. ред. С.В. Никольский. М., 1997. См.: Часть I. Литература второй половины XVIII века — второй половины XIX века. С. 9–333.

¹¹ История литератур западных и южных славян. Том третий. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М., 2001. См.: Часть I. Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). С. 12–348.

¹² См.: *Будагова Л.Н.* Друг юности моей Дмитрий Никанорович Инсаров, или — Московские адреса болгарских эмигрантов // Дружба. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. М., 1990. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 116–120.